

РЕСУРСЫ РОСТА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

ВОСЕМНАДЦАТЫЕ ГУБЕРНАТОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

Тюмень, 6 ноября 2014 г.

Тюменская областная научная библиотека им. Д.И.Менделеева,
филиал Президентской библиотеки им. Б.Н.Ельцина

Лектор — руководитель департамента мировой экономики Высшей школы экономики, главный советник руководителя Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации профессор **Л.М.Григорьев**.

Ключевые слова: российская экономика, экономический кризис, ресурсы роста, Тюменская область

**Губернатор
Тюменской области
В.В.Якушев**

Если вдруг был бы объявлен конкурс на общий девиз «Губернаторских чтений» — всех восемнадцати, включая сегодняшние, — то лично я предложил бы такую формулировку: «Всматриваясь в будущее». Именно такова главная функция, главная миссия «Губернаторских чтений»: сфокусировать наш взгляд на тех проблемах и задачах, которые сегодня, может быть, еще не очевидны, но уже завтра могут занять первые строки в повестке дня. К будущему обращены и наши тревоги, и наши надежды — а они, между прочим, способны меняться местами. То, что сегодня кажется твердой опорой, способно внезапно уйти из-под ног; но и то, что сегодня пугает, иногда может сделать нас сильнее. Именно в поиске источников силы помогают нам приглашаемые к участию в Чтениях эксперты высочайшего, мирового класса. И я с радостью представляю вам именно такого эксперта.

Леонид Маркович Григорьев — руководитель департамента мировой экономики Высшей школы экономики, Главный советник руководителя Аналитического центра при Правительстве РФ. Автор более чем трехсот научных и аналитических работ, из числа которых я назову только две совсем недавних: «Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 г.» и «Актуальные проблемы мировой экономики XXI века». Вот кто действительно всматривается в будущее! Да и сама тема предстоящей лекции и дискуссии — о том же. Итак, «Ресурсы роста российской экономики в меняющемся мире».

А сейчас передаю слово модератору «Губернаторских чтений» Святославу Игоревичу Каспэ.

**Председатель
Редакционного
совета журнала
«Полития»,
профессор Высшей
школы экономики
С.И.Каспэ**

Уважаемые коллеги, не открою большого секрета, сказав, что за прошедшие годы проект «Губернаторские чтения» получил некоторую известность в московских экспертных кругах. У меня регулярно спрашивают: кто будет следующим лектором, какая тема... Любопытно, что среди реакций на нынешнюю формулировку была и такая: «Вы что, издеваетесь? Какие ресурсы, какой рост? Все падает, ужас-ужас-ужас...»

Такой тип реакции известен и распространен. Он ошибочен и опасен. Ресурсы роста ищутся именно тогда, когда прежняя модель развития исчерпывает себя, когда старые ресурсы если и не полностью перестают работать, то уж точно меняют принципиальным образом способ своего функционирования и использования. И не только потому, что, по известной пословице, «пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Это тоже правда — пока все растет само, мы большей частью не склонны в опережающем режиме искать новые возможности. Но главное — потому, что мир меняется, как и сказано в названии лекции. Меняется радикально и с малой степенью предсказуемости: как стало модно говорить, происходят «турбулентные процессы». Кто мог предположить два-три-четыре года назад, в каком мире мы окажемся сегодня? Именно поэтому ситуация вызова и кризиса стимулирует поиск новых ресурсов роста.

О самих этих ресурсах нам расскажет лектор, я же поделюсь только одним предположением, гипотезой о том, где их надо искать, где они располагаются. Может быть, сегодня в зале присутствуют те, кто участвовал в первых «Губернаторских чтениях», проходивших четыре года назад с академиком В.М.Полтеровичем? Тогда свою вступительную реплику я иллюстрировал подготовленной специалистами NASA «световой картой человеческой цивилизации». На ней Россия, особенно в сравнении с нашими соседями по Северному полушарию, выглядит как большие темные пространства, перемежающиеся редкими пятнами света. Именно в этих темных пространствах, именно там, куда у нас руки не дошли, находятся ресурсы роста! Россия колоссальным образом недоосвоена, в том числе в буквальном смысле слова. Она еще не присвоена, не стала для нас «своей» — и мы должны это сделать. Более того, и в нашем сознании есть аналогичные темные зоны — немобилизованные ресурсы мысли, проектных работ, технологических, социальных и экономических инноваций... Кстати, в некотором смысле и сам Леонид Маркович представляет собой ресурс роста российской экономики: просто потому, что специализируется именно на мобилизации человеческого сознания, на раскрытии его потаенных ресурсов. На этой мажорной ноте я передаю ему слово.

Л.М. Григорьев

Чтобы способствовать более плодотворному ходу дальнейшей дискуссии, немного понижу ожидания. Мой взгляд на российскую экономику — взгляд аналитика, не принимающего конкретных решений; я не могу отчитываться за события, происходящие в стране. Я не «ресурс роста», а только специалист в области мировой экономики. Однако сознаюсь, что принимал участие в создании практически всех проектов экономического развития страны (кроме, наверное, программы Грефа), начиная с «500 дней» и заканчивая текущим вариантом программы энергетического развития России — к слову сказать, напрямую касающейся Тюменской области.

Вначале я расскажу, как объективно выглядит современная экономическая ситуация, а затем о том, какие меры в ее контексте следует — следовало бы — проводить в обозримом будущем. Драма в том, что у нас нет официальной стратегии действий. Есть концепция долгосрочного развития — с 2008 по 2020 г. Отраслевые и региональные энергетические стратегии ограничены 2030 г. В качестве ориентира хотелось бы иметь документ, показывающий, какими мы видим себя в 2050 г. Без него тяжело работать, потому что в ряде случаев этот образ просто приходится додумывать. В него упираются многие вопросы, например такой: если мы хотим не только экспортировать сырье, то что еще мы с ним станем делать? И какими средствами?

Экономические подъемы 1920-х и 1960-х годов охватывали лишь отдельные группы стран. Мировая же экономика как целое прошла через выдающийся подъем в 2001—2008 гг., когда темпы роста были, возможно, самыми высокими и интенсивными за всю историю человечества. Этот процесс вызвал колоссальный рост цен на сырье, в том числе энергетическое. В 2003 г. отечественная стратегия писалась исходя из 20 долл. за баррель нефти, а сейчас с трудом балансируется при 90—100 долл. Нефтяные страны незамедлительно «подсели» на деньги!

Кризис 2008—2009 гг. оказался неожиданным для всех. Об этом можно судить хотя бы по тому, что в 2004 г. Нобелевскую премию вручили за теорию реального делового цикла, казалось бы похоронившую «большие кризисы» как таковые. О серьезности кризиса говорит то, что впервые после окончания Второй мировой войны в мире происходило падение ВВП (Россия тогда потеряла 9%). Шесть лет застоя сделали всех очень нервными. Еврозона продолжает стагнировать, США вышли на рост лишь в последние год-два. Замедлились Бразилия, Россия, Индия, Китай. Поэтому экономический фон сейчас очень сложный, особенно если учитывать зависимость России от цен на нефть. К слову, цена на нее падает в том числе и потому, что начали работать программы энергосбережения: поскольку товар стабильно дорожал, издержки стали сводить к минимуму.

Наш энергетический прогноз, доступный на сайтах Аналитического центра при Правительстве РФ (<http://ac.gov.ru/files/publication/a/2194.pdf>) и Института энергетических исследований РАН (<http://www.eiras.ru/data/483/gus>), уникален и фундаментален прежде всего потому,

что подобных ему в мире всего два. Один — американский (хороший), второй — европейский (его по заказу и сообразно пожеланиям Брюсселя делают греки; no comments).

В нашем прогнозе мы предполагаем, что по объективным экономическим причинам граница падения цены на нефть в долгосрочном плане не опустится ниже 80 долл. за баррель. Это связано, во-первых, с высокой стоимостью новой добычи, где издержки очень высоки, особенно при переходе в арктическую зону, во-вторых, как это ни странно звучит, с бюджетом Саудовской Аравии, на которую приходится большая часть не только мировой добычи, но и мировой торговли нефтью. У саудитов просто-напросто бюджет не балансируется при менее чем 80—90 долл. за баррель: так что нижний уровень не будет долго находиться за этой рамкой (к слову сказать, бюджет Венесуэлы балансируется только при 170!). Политические ограничения нижнего порога цены, которые есть у всех стран-нефтепроизводителей, сыграют свою роль. С другой стороны, надо сознавать, что цены выше 100 долл. были своего рода политической премией, связанной с аварией на Фукусиме и ливийским кризисом. В течение жизни поколения или даже дольше мир будет находиться в положении, когда в развитых странах с ВВП на душу населения от 30 тыс. долл. и более темпы роста станут сравнительно низкими, а в развивающемся мире — высокими.

Год или два назад развитые и развивающиеся страны сравнивались в объеме ВВП. Как многим, наверное, известно, рост экономики в целом смещается в Азию. Конечно, ее население больше населения развитых стран приблизительно в пять раз, поэтому подушевой доход значительно меньше. Россия находится в промежуточной позиции: завися от колебаний курса доллара, среднедушевой доход у нас равен приблизительно 15 тыс. долл. — как это было 20—30 лет назад в развитом мире. Здесь существует опасность известной «ловушки средних доходов».

Россия, обладая 2,5% населения и ВВП земного шара, производит около 10% мировой энергии, что само по себе колоссально! Из них непосредственно экспортируется около 4,7% (примерно два потребления Германии), еще 1% — в виде переработанных, энергетически интенсивных товаров, а остальное уходит на внутренние нужды. Еще СССР занял такую серьезную позицию на мировом энергетическом рынке (с расчетом в том числе на социалистический лагерь), а теперь эта позиция стала для нас коммерческим активом. Таким образом, основная ниша России в мире — энергоемкие полуфабрикаты, и, говоря о технической и социальной модернизации, мы должны учитывать сложившуюся повышенную выгодность энергетического производства в сравнении с любым другим («голландская болезнь», «ресурсное проклятье» и т.д.). Готовые рецепты их преодоления придуманы для малых стран с открытой экономикой, поэтому нам приходится все изобретать самим.

Перспективы выхода России из экономического кризиса не лучше и не хуже, чем у других стран, но индивидуальные проблемы все равно придется решать самостоятельно. Проявившийся эффект санкций

лишний раз показывает, что мы опаздываем с модернизацией и переходом на собственное производство технологий (и даже купленные не можем применять в достаточном объеме!). Потребление нефти в мире, по последним оценкам, находится на уровне 91 млн. баррелей в день, а производство — 92,7 млн. баррелей, то есть имеет место перепроизводство. Здесь нет никакого заговора, как не может быть заговора против закона всемирного тяготения: рынок всегда объективен, всегда берет свое. А вот цена на газ связана прежде всего с политикой: в разных регионах мира она очень разная. Однако понятно, что дешевого газа все равно не будет, даже если США выйдут на европейский рынок. Просто в Европе он тут же окажется дорогим.

В мире, с одной стороны, постоянно идут разговоры о спасении климата, с другой стороны, происходит возврат к использованию угля: его доля в азиатском топливно-энергетическом балансе составляет 75%. Климат удастся спасти, если получится изменить ситуацию именно в этом регионе. Предыдущие восемь лет я был председателем правления Фонда дикой природы (WWF), поэтому скажу, что при формулировании энергетической стратегии нами учитывается ряд экологических принципов: об этих проблемах я знаю не понаслышке. Что касается России, то она ощутит изменение климата через таяние вечной мерзлоты на Севере, через засухи в Средней Азии и наводнения в Европе, через штормы на Дальнем Востоке...

При выходе из советской экономики наша страна столкнулась с рядом проблем. После распада СССР ей достались приблизительно 80% территории и ресурсов, а также (на тот момент) 51% населения, 60% производственных активов, 50% производства в сельском хозяйстве и большая часть человеческого капитала (научные и учебные институты). Последний, как мне кажется, является наиболее недооцененным и наименее использованным ресурсом. Самым существенным вкладом в экономический рост могло бы стать эффективное привлечение «мозгов» при формулировании различного рода политик (социальной, экономической и т.д.). Не «вытащили» мы еще и проблему капиталовложений: Россия, как и другие ресурсные экономики, в огромном объеме вывозит капитал, который с успехом мог бы инвестироваться внутри страны.

По сравнению с поздним СССР личное потребление выросло примерно в полтора раза, хотя и распределилось неравномерно: увеличение произошло за счет лишь трети населения. Государственные расходы остались примерно такими же, однако в части капиталовложений в технологии, технологическое оборудование и НИОКР достичь уровня РСФСР не удалось. По общим государственным расходам на research & development мы находимся на уровне развитых стран, и основная разница — в структуре затрат компаний! Западный бизнес намного больше тратит на исследования и разработки.

Проблема в том, что в России половина всех вообще инвестиций приходится на 40 крупнейших концернов (чего не было бы в ситуации нормальной рыночной экономики), а остальное — малый

и средний бизнес, не имеющий резервов для развития НИОКР. Поэтому и оказалось проще, например, нанять «Шлюмберге», чем строить свою крупную нефтесервисную компанию. Вследствие этого научно-исследовательские институты страдают от недостатка финансирования и не могут выстраивать долгосрочные стратегии развития.

Нефтяная рента 2000-х годов позволила России поддержать бюджет, оборонную промышленность, социальные программы: родившиеся в 1990-х не могут оценить масштаб перемен, но они должны знать, что страна постепенно выкарабкивается из огромного кризиса, сопоставимого только с американской Великой депрессией 1930-х. Было потеряно 43% ВВП! Начиная с экономической программы 2000 г., мы декларируем свое стремление приступить, наконец, к полноценной модернизации, но объективные экономические законы удерживают страну в рамках сырьевой экономики. Для перехода к собственному производству технологий требуются еще более основательные усилия. Крупные отечественные компании занимаются чем угодно: финансируют спортивные клубы, строят офисные здания, организуют громкие PR-акции... В то время как западные вкладываются в НИОКР. Поэтому в перспективе ближайших лет надо прекратить разнузданное демонстративное потребление и развивать другие направления деятельности.

Инфляция в России опять подскочила. Однако, между прочим, западный мир живет в состоянии дефляции и мечтает хоть как-то вернуться к инфляции. Потому что снижение цен на готовые товары способствует не развитию экономики, а ее стагнации. Рынок подвижен, и рост цен — показатель того, куда следует вкладывать. Мы должны сосредоточиться на качестве рабочей силы, технологиях и импортозамещении. Санкции будут чувствоваться главным образом в сферах финансов и технологий, стимулируя их перестройку.

Как выглядит экономический рост внутри страны? Восточная Европа находилась в тяжелом кризисе примерно четыре года, с 1990 по 1994 г., Россия — восемь лет, до 1998 г. Конечно, продолжительность кризиса повлияла и на фирмы, и на семьи — опыт показывает, что три-четыре года люди еще могут терпеть, но не дольше. Затягивание кризиса лишало людей долгосрочных надежд, заставляя их впадать в панику и срываться с места, и потому угрожало самому государству. За 2000-е годы страна встала на ноги, отъелась, но, повторяюсь, так и не нашла новую модель экономического развития. В 1990-х годах образовалась инвестиционная яма, характеризующаяся отсутствием капиталовложений в предприятия и жилищное строительство. Кстати, почти чудом является то, что советская инфраструктура (здания, дороги, мосты, тоннели, линии электропередач и т.д.) даже при минимальных ремонтных работах выдержала на пару десятилетий дольше, чем закладывалось в расчеты при ее создании!

Как устроен российский бюджет? В 2005 и 2013 гг. цена нефти составляла, соответственно, 40 и 100 долл. за баррель. В результате бюджет увеличился в три раза, с 4 до 13 трлн. рублей, то есть произо-

шел колоссальный рост расходов! Доходная часть бюджета в значительной степени зависит от нефтегазовых денег. Бюджет уходит в ноль (то есть дефицита нет), и существует масса запасных возможностей, помимо людских ресурсов. Внешний долг нашего федерального бюджета — 15% от ВВП. В мире, буквально обвешанном долгами, это считается очень скромной величиной. У американцев, скажем, долг равен 100% от ВВП — правда, стоимость его обслуживания предельно низкая. К слову, этот факт не учитывают СМИ, которые часто безграмотно «хоронят» бюджет Штатов. Он в безопасности.

Структура российского бюджета меняется. Стабилизировались расходы на армию, но выросли — на МВД и МЧС. Экономические и социальные расходы не очень высоки и тоже стабилизировались. Следовательно, масштабных инвестиций из федерального бюджета нет: через дотации инвестиционная активность перепоручается бизнесу, прежде всего крупным компаниям. Регионы, впрочем, настаивают на большей свободе в использовании собственных средств и реинвестировании...

Динамика личного потребления и накопления показывает, что страна вышла из переходного периода и находится в неплохом состоянии, но стабильность еще далеко не достигнута. Разница в экономической ментальности между нами и американцами (причем на американцев мы похожи гораздо больше, чем на европейцев) в том, что американцы нетерпеливы и пытаются решить проблемы немедленно, а мы долго терпим, чтобы потом хвататься за все сразу. Пора бы научиться и «запрягать» побыстрее, и «ездить» чуть-чуть поровнее! Устойчивая экономическая политика помогла бы постепенно уйти от этого, я бы сказал, холерического типа экономического поведения.

В частности, нормальный банковско-финансовый сектор должен, во-первых, отбирать рентабельные проекты, во-вторых, контролировать общий ход дел в отраслях, в-третьих, следить за финансами корпораций, взявших у него деньги. Главным образом это проблема так называемых «длинных денег». Средний кредит и облигационный заем в реальности даются на два-три года (несмотря на декларируемые пять лет, на таких условиях кредиты практически не выдаются). Между прочим, Европа и англосаксонский мир вообще финансируют долгие проекты не с помощью банков, а иными, специальными инструментами. Вот и нам нужно научиться не терзать попусту банки, а финансировать долгие проекты (в высоких технологиях, в нефтегазовой сфере) адекватными средствами и способами.

Не существует простой модели, по которой можно было бы осуществить модернизацию такой большой страны, да еще и с такими серьезными региональными различиями. Межрегиональные перепады по уровню производства в России достигают 20—30 раз (что вполне сравнимо с перепадами в рамках ООН!). И все это происходит внутри единого правового пространства, с единым Минфином! Это совершенно нетривиальная ситуация.

Кризис 2008—2009 гг. дополнительно сдвинул структуру нашего экспорта в сырьевую сторону. Проблема стимулирования внутренней переработки и выпуска сложной продукции сохраняется и сейчас. Объем импорта определяется нашими покупательными возможностями и ценой на нефть: он начал снижаться вместе с ее снижением, еще до санкций. Следовательно, темпы экономического роста зависят от разницы между потреблением и импортом. Если личное потребление уменьшается, снижается импорт и увеличивается доля экспорта.

Когда в начале 1990-х годов для выяснения степени готовности страны к рыночной экономике проводились опросы населения, обнаружилось, что все советские люди на частном, семейном уровне — природенные рыночные экономисты, умеющие диверсифицировать активы, справляться с рисками и т.п. История показывает, что такой образ мышления формируется именно в условиях кризиса. Центробанк сейчас отпустил курс, потому что бороться со спекулянтами невозможно, они ограбят любого. К тому же девальвация увеличивает денежную массу, а значит, и количество налоговых поступлений, то есть еще и балансирует бюджет. Однако каждый экономист должен учитывать, что ввиду своей особой структуры российский экспорт при девальвации практически не увеличивается.

В 2015 г. мы будем отмечать четверть века большой трансформации: во всяком случае, Восточная Европа должна вести отчет от 1990 г., когда там начались главные экономические реформы. Россия опоздала на год, и критически важный год: в 1990 г. величина падения ВВП составляла еще только 2%, а в 1991 г. — уже 19%! Правительство Гайдара (11 человек, среди которых был и я, занимавший пост заместителя министра экономики) пришло в Белый дом 6 ноября, когда накопленный спад превысил 20%: никакие нормальные реформы в такой ситуации невозможны. Между прочим, начнись они раньше, от Союза, возможно, осталось бы больше — даже просто в территориальном отношении.

25 лет спустя нам приходится заново решать вопрос о стратегии развития страны. Внешний толчок в виде санкций, конечно, крайне неприятен, однако он может наконец подстегнуть создание сложных стратегий экономического развития. Принципиальное отличие от той ситуации в том, что страна уже не находится в состоянии изнеможения и способна направить часть внутренних ресурсов на модернизацию и развитие.

История успеха капитализма как экономической системы учит важности конкуренции. Строго говоря, даже форма собственности может быть почти любой. Конечно, при наличии частной собственности эффективность конкуренции возрастает; но в Польше, например, директора предприятий научились конкурировать между собой гораздо раньше, чем стали собственниками (а во многих случаях так и не стали). России необходима конкуренция, необходимо внутреннее перераспределение ренты в пользу технологичных отраслей, нужны капиталовложения в оборудование, в рабочие места для студентов. И такие

возможности у нас есть. Из десятков и сотен моих учеников-аспирантов, которых я отправлял учиться по всему миру, в Россию вернулись самые сильные: там они упираются в потолок — просто как чужаки, возможности карьерного роста которых всегда ограничены. А у нас — нет! В западном мире искать счастья за границей едет холерик, а в России, наоборот, меланхолик или флегматик, с горизонтом амбиций не выше среднего. И ищет он не столько американской практики, где ты твердо знаешь, что должен как минимум 10—15 лет пахать, прежде чем у тебя появится хоть какая-то уверенность в будущем; а ищет он скорее гарантий унылой стабильности на европейский манер. Вообще, идея гарантированной уверенности в будущем ненормальна, она возникает на рентах, причем не только сырьевых, но и иного исторического происхождения. Европа, мне кажется, потому и стагнирует, что впала в некий «антикоммунистический социализм». Америка же быстро восстанавливается; и нам нужно использовать и развивать скорее «американские», чем «европейские» черты нашего характера.

**Зам. председателя
Тюменской
областной думы
В.В.Сысоев**

Коллеги, я хотел бы поговорить о том, какие источники роста областной экономики у нас сегодня имеются. Но начинать нужно не с источников роста, а с препятствий для него! Их два: парализующий страх перед начальством и коррупция. Нельзя повторять ошибки 2008 г., когда вместо укрепления экономики произошло лишь накачивание ресурсами банковского сектора, провоцирующее спекуляции: многие предприятия тогда просто прекратили свое существование.

Я считаю, что в настоящий момент надо сделать акцент на модернизации и развитии инфраструктуры, значительно ухудшившейся по сравнению, например, с концом советского периода. В Китае в течение десяти дней строят столько же дорог, сколько было построено в России за весь 2008 г.! Прежде всего требуется модернизация Транссиба и сквозной автотрассы Санкт-Петербург — Владивосток. Их низкая пропускная способность является сдерживающим фактором экономического развития. Россия могла бы стать ключевым логистическим коридором между Западом и Востоком, тем самым стимулировав создание новых рабочих мест и новых технологий. Поэтому нам нужна программа индустриализации Сибири; а источниками ее финансирования вполне могут стать средства, мертвым грузом лежащие сегодня в зарубежных фондах.

Начинать преобразования надо с формирования ответственности элит за будущее страны. Тюменская область с 2004 г., не дожидаясь сигналов из центра, занимается «новой индустриализацией» своей экономики. Уже сейчас видны плоды взятого нами курса, продолжающегося в программе удвоения областной экономики. Однако для долгосрочных индустриальных проектов нужны инвестиции, то есть «длинные деньги» (как минимум на 3—5 лет). Что касается подготовки квалифицированных кадров, то необходимо прекратить бесполезные дискуссии и просто

восстановить нашу традиционную политехническую школу, соединив в один поток профессиональной подготовки и, соответственно, социальной мобильности потенциал средних и высших учебных заведений.

Кроме того, вся действующая система государственного и местного управления складывалась на «бешеных» нефтегазовых деньгах 2000-х годов и представляет собой всего лишь машину по их расходованию. Надо отойти от этой бесперспективной модели.

Наконец, важно поменять отношение чиновников и общества к предпринимателям. Тарифы и налоги в этой сфере не должны постоянно и неконтролируемо расти, законодательное регулирование надо стабилизировать и упростить. Требуется ввести что-то вроде моратория на ухудшение условий ведения предпринимательской деятельности — как минимум до 2020 г.

**Доцент
Финансово-
экономического
института
Тюменского
государственного
университета
А.Н.Янин**

Период с 2011 по 2013 г. можно считать лучшим в новой экономической истории Тюменской области, однако ясно, что дальнейшее развитие будет происходить в более сложных условиях. Закончился этап, когда экономика росла за счет увеличения добычи углеводородов: производство газа стабилизировалось, добыча нефти снижается. На юге области объемы производства нефти приблизились к потенциально предельному уровню. Источники дальнейшего роста придется искать в сферах обработки и услуг.

Наибольшие доходы региону может принести расширение производств по переработке углеводородов. Самым важным здесь мне представляется развитие Тобольского нефтехимического комбината, Антипинского нефтеперерабатывающего завода, Пуровского завода по переработке газового конденсата, завершение строительства Новоуренгойского газохимического комплекса. В то же время существует высокий риск создания неконкурентоспособного предприятия — я имею в виду проект «Ямал — сжиженный природный газ». В целом структура поставок должна измениться — с акцентом на переработанные продукты. Например, тот же Антипинский НПЗ, которым у нас принято гордиться, по номенклатуре производимой им продукции, по глубине ее передела — худший в стране. Это надо радикально менять.

Другим перспективным направлением является производство продуктов питания. Выпуск пищевой продукции и напитков на душу населения на юге области отстает от показателей ряда других регионов, а следовательно, имеет потенциал для развития. В рамках намеченных перспектив можно увеличить и объем производства полуфабрикатов.

В сфере транспортной инфраструктуры ключевое значение имеет реконструкция автодорог Тюмень — Новый Уренгой и Тюмень — Омск, а также завершение строительства дороги до Салехарда. В связи с увеличением вывоза продуктов переработки нефти и газа (как приоритетного направления экономической деятельности) требуется развитие железной дороги Тюмень — Новый Уренгой.

В последние годы локомотивом развития являлось строительство жилых домов: за 2005—2013 гг. ввод жилья на юге области вырос в 2,5 раза, регион стал лидером по возведению новых площадей на душу населения. В дальнейшем нам едва ли удастся сохранить столь высокие темпы роста — ввиду снижения доходов организаций, бюджетов и населения. Согласно моему прогнозу, в период до 2020 г. ввод нового жилья лишь незначительно превысит существующий уровень.

В связи с ожидаемым снижением инвестиционной активности при реализации Уватского проекта, а также завершением строительства комплекса по выпуску полипропилена в Тобольске и металлургического завода в Тюмени общая динамика инвестиций в основной капитал должна ухудшиться, поэтому необходимы дополнительные меры по их стимулированию и устранению препятствий для развития предпринимательства в регионе.

**Директор
ОАО «Тюменский
бройлер»,
депутат Тюменской
городской думы,
О.А.Величко**

Я хотела бы остановиться на ключевых моментах развития мирового сельского хозяйства — и на том, как этот процесс, в свою очередь, стимулирует развитие отечественного агропромышленного комплекса.

По мнению известного специалиста в области демографии Лестера Брауна, растет не только население планеты, но и его способность потреблять продукты. При этом запас посевных площадей мало подвержен изменениям и даже сокращается. Существует точка зрения, согласно которой мощности для расширения производства кормов и продовольствия практически исчерпаны. Ухудшаются климатические условия; разрыв между числом производителей и потребителей стремительно увеличивается в связи с урбанизацией. Дефицит пресной воды становится уже не просто данностью, но даже политическим фактором, порождающим войны. Россия, к счастью, не сталкивается с большинством этих проблем; однако она не может игнорировать происходящее в мире.

Рост производства продуктов питания должен планироваться с учетом ухудшающейся обстановки и, следовательно, опережать демографический рост, тем более что интенсивность последнего особенно велика именно в регионах с довольно скудной ресурсной базой.

По размеру территории, приходящейся на тысячу жителей, Россия является одним из лидеров, но если мы сравним благосостояние Индии и Нидерландов, имеющих близкие значения по данному параметру, то увидим, сколь многое зависит от внедряемых и используемых технологий. Другими словами, у России имеется огромный потенциал в виде неиспользуемой территории, тех самых «темных пятен», о которых говорил С.И.Каспэ.

А теперь несколько слов о том, чем я непосредственно занимаюсь, — о производстве мяса птицы и яиц. Важность данных продуктов в рационе населения, прежде всего младших возрастных когорт, трудно переоценить. В структуре мирового валового производства мяса

лидирует свинина, однако тенденция к росту доли птицы налицо. Эта динамика обусловлена биологическими и экономическими факторами: мясо птицы и яйцо наиболее эффективно трансформируют кормовые ресурсы в пищевую энергию. Кроме того, потребление мяса птицы не имеет культурных ограничений — ни кашрутных, ни халяльных. Для мясного птицеводства характерен высокий уровень оборота капитала, что делает его весьма привлекательным в инвестиционном плане; поэтому, согласно прогнозам, данная отрасль будет развиваться опережающими темпами.

В странах Евросоюза прирост в сфере животноводства окажется на нулевом уровне. С точки зрения структуры развития отрасли мы больше похожи на Бразилию, которая сегодня стремительно завоевывает лидирующие позиции. Россия на ее фоне выглядит довольно скромно. Поэтому сейчас наша задача в том, чтобы заместить импорт, насытить внутренний рынок, а затем, за счет интенсификации производства и снижения издержек, выйти и на внешние рынки.

**Свободный
микрофон**

Зам. директора по экономике «ЮТэйр-Инжиниринг» С.Н.Емельянов: Мой вопрос адресован Л.М.Григорьеву и В.В.Якушеву. В современном мире страны стимулируют экономику такими финансовыми методами, как, например, снижение учетной ставки. Однако в России Центробанк и правительство действуют в разных направлениях: первый увеличивает учетную ставку, а второе субсидирует не только финансовую сферу, но и целые отрасли. Нет ли здесь противоречия?

Зам. председателя Тюменской областной думы В.А.Рейн: Из выступления докладчика мне ясно, что в России не только не завершена модернизация, но и отсутствует четкая программа продвижения в данном направлении. Выступавший на пятнадцатых «Губернаторских чтениях» А.И.Турчинов говорил об отсутствии налаженной кадровой политики. Бюджет 2013 г. недополучил 3 трлн. рублей из-за ухода бизнеса в тень, что, как считают, было вызвано неправильной налоговой политикой... В связи со всем этим процитирую недавнее высказывание ректора Байкальского государственного университета экономики и права М.А.Винокурова: страну опутали бездарные управленцы, утверждающие, что «рынок все решит». Хотел бы услышать от докладчика четкую оценку уровня компетентности управленцев, находящихся в высших эшелонах власти.

Главный редактор газеты «Тюменская область сегодня» А.Н.Скорбенко: По утверждению депутата Государственной Думы Е.А.Федорова, общая сумма ежедневного субсидирования Россией американской экономики через различные каналы, в том числе через стыковки различных электронных и информационных систем, равна

приблизительно триллиону долларов. Как профессор Григорьев мог бы прокомментировать эту информацию?

Член Общественной молодежной палаты, студентка Тюменского государственного нефтегазового университета М. Таусенова: Первый вопрос: как события, происходящие сейчас на Украине, могут отразиться на экономике России? Второй вопрос: недавно наша страна подала заявку в ООН на признание наших прав на новые арктические территории, богатые полезными ископаемыми. Если эту заявку не удовлетворят, можно ли будет сделать вывод, что в мире боятся развития российской экономики и стремятся ему воспрепятствовать?

Директор Центра дистанционного образования Тюменского государственного нефтегазового университета С.М.Моор: Какое место среди прочих энергетических ресурсов главный докладчик отводит так называемым «альтернативным»?

Председатель Тюменского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Опора России» Э.З.Омаров: Официальной стратегии энергетического развития страны, как мы поняли, нет... А хоть какая-то есть?

Л.М.Григорьев

Прежде всего: решительно поддерживаю введение моратория на ухудшение ситуации в предпринимательстве. Я подписываюсь и буду подписываться под этим требованием везде, где только можно. Наш Аналитический центр много писал о том, что бизнес нужно защищать — и в области прав собственности, и в области налогов... Надо, впрочем, как-то учитывать и ту (весьма значительную) его часть, которая прячется от административного давления под звучным именем ПБОЮЛ (предприниматель без образования юридического лица)...

Если говорить о сельском хозяйстве, то недавно под моим руководством была защищена диссертация, в которой показано, что экспорт зерна фактически представляет собой экспорт воды. Экспорт зерна значителен только в тех странах, где есть вода (США, Бразилия, Канада, Россия). Если сухо — ничего сделать нельзя. Голландия занимает второе место в мире после США по экспорту сельскохозяйственной продукции (правда, включая тюльпаны). Однако там обрабатываются 80% территории, никто и нигде в мире к такому показателю даже не приблизился! Зоны продовольственного риска находятся в Азии и Африке. Китайцы, например, пристрастились к японской кухне и теперь в недалекой перспективе запросто могут съесть всего тихоокеанского тунца — подобно тому, как это некогда случилось в Средиземноморье. В Африке уже состоялась первая фаза демографического перехода, заключающаяся в серьезном снижении смертности. Вторая фаза (снижение рождаемости) происходит заметно позже. До того на

земном шаре появится дополнительный миллиард населения. Чем его кормить? Непонятно.

Есть ли в Арктике значительные нефтегазовые ресурсы, пока не известно, однако стоимость бурения там в любом случае окажется чрезвычайно высока. Россия пытается доказать, что граница наших владений проходит по подводному хребту Ломоносова. Ее интерес к Арктике определяется тем, что это один из последних хотя бы потенциальных резервов мирового масштаба. Я не думаю, что против нас существует заговор, здесь просто работают некие рациональные послышки: у России и так огромная территория, которая используется довольно неэффективно, поэтому многие раздумывают, не лучше ли у них это получится. И ведь для такого хода мысли мы сами даем серьезные основания! Надо перестать их давать, и все будет хорошо.

Относительно ситуации, связанной с Украиной. Аналитический центр при Правительстве РФ недавно выпустил доклад, который так и называется: «Социально-экономический кризис на Украине». Украинцы 20 лет назад начинали примерно с того же уровня, что и турки с румынами. Сейчас у турок и румын ВВП на душу населения выше украинского в три и четыре раза соответственно. (В 2013 г. украинский ВВП на душу населения составлял 3,5 тыс. долл.) То есть Украина, добившись независимости, вообще не сумела обеспечить экономический подъем, в том числе потому, что за все это время там ни разу не было политической стабильности. Ее бюджет в плохом состоянии и отягощен долгами, а олигархические структуры на порядок сильнее, чем в России: там олигарх владеет не только определенной отраслью, но и определенным регионом в придачу, почти как в феодальной системе! Условно говоря — вот герцог Бургундский, у него все вино... Украина устроена очень похожим образом. Официальные денежные переводы украинских гастарбайтеров равны 5% ВВП страны — это десятая часть всего потребления. Но ведь в разы больше проходит не через банки, а просто через открытую границу с Россией! Для сравнения: в Грузии, где такие переводы проходят почти исключительно через банковскую систему, они достигают 10% ВВП.

Продажи «Газпрома» на Украине — не критичная проблема, критичен транзит газа в Европу. Судя по вчерашней проплате в 1,5 млрд. долл., газовый кризис постепенно заканчивается. Тяжелее всего окажутся последствия войны. В Луганской области за август-сентябрь промышленное производство сократилось на 75%, в Донецкой — на 56%. Импорт и потребление упали, однако валюта продолжает приходить — теперь уже почти исключительно от гастарбайтеров. Лето пережили, но зима будет тяжелой. Киевская атомная электростанция дает 15% общей электроэнергии, которую в зимний период начнут использовать вместо газа. Ее не хватит, поэтому Киев будет греться и освещаться углем «сепаратистов» и российским углем. Картина совершенно фантастическая! С газом разобраться проще, чем с замещением промышленной продукции, поступавшей в Россию с Украины. Но Россия с этим худо-

бедно справится; а вот Украина теряет и основного своего инвестора, и основного покупателя своих товаров... Как она это выдержит, я не знаю. Вообще гражданская война на Украине самая ужасная, самая подлая в истории: хуже и американской, и испанской, и российской.

Ситуация с переходом на возобновляемые источники энергии неоднородная. В Азии начался постепенный переход со «старого» возобновляемого сырья — то есть кизяка — на солнечную энергию. В продвинутых «зеленых» странах типа Швеции процессы идут гораздо интенсивнее, но в масштабах всего мира такое физически невозможно. Экономисты прогнозируют к 2035—2040 гг. оформление четырех практически равных долей в производстве энергии: 25% газ, 25% уголь, примерно 27% нефть и около 23% — все остальные виды (атомные электростанции, гидроэлектростанции, ветряки, кизяк и др.). Вообще, пик потребления нефти связан прежде всего с распространением автомобилей. Пока мир будет пользоваться автотранспортом, нефть никуда не денется.

Есть ли у нас какая-либо определенная стратегия развития? Еще раз скажу: я участвовал в составлении почти всех федеральных экономических стратегий. Все они были по-своему красивыми, но не помню, чтобы их кто-то выполнял. Спрашивая, «есть ли у нас стратегия?!», этот момент обязательно надо учитывать. Стратегию-то мы напишем! Я думаю, что мы живем ситуативно, с горизонтом в несколько лет максимум: отчасти на то есть объективные причины, отчасти это объясняется отсутствием ясности относительно будущего страны как таковой.

О качестве лиц, принимающих решения, скажу так, как могу себе позволить, то есть осторожно и по аналогии, а вы остальное домыслите. Отвечая вчера на собрании тюменского «Столыпинского клуба» на вопрос о коррупции, я напомнил, что А.В.Суворов когда-то сказал (в шутку!), что всех интендантов надо расстреливать раз в три месяца без суда. Или другая история: при Александре I и Николае I был такой выдающийся министр финансов, немец по происхождению и характеру, Е.Ф.Канкрин, во время похода русской армии в Европу в 1813 г. исполнявший должность генерал-интенданта, то есть начальника тыла. Так вот, при Канкрине, где бы он ни оказывался, почему-то неизменно был порядок! И тыл снабжался прекрасно, и инфляция была побеждена... То есть в России как-то можно обходиться без коррупции. Надо только привлечь некоторое количество «немцев»... Это я говорю к тому, что нет простых решений: политическая, финансовая и интеллектуальная элита в принципе способна находить выход из самых различных положений, но надо не только придумать такой выход, но и договориться — а потом удержать достигнутые договоренности этак с десятилетие. Вот с чем у нас главная трудность.

Депутат Федоров яркий оратор, но неплохо бы, как говорится, «фильтровывать базар». Ну какой может быть триллион долларов в день, если весь мировой ВВП составляет около 70 трлн. в год?! Давайте смотреть на вещи реалистически.

Как прекратить ухудшение положения малого и среднего бизнеса? Еще раз: половину российской экономики формируют 40 концернов, которые не хотят интенсифицировать производство, а тратятся на демонстративное потребление: спортивные команды, банкеты и PR. Я же на каждом банкете содрогаюсь от ужаса, потому что понимаю, что ем не закуски, а инвестиции: воткнул вилку, глядишь — еще один станок съел!.. Кошмар.

Думаю, нам следовало бы освободить от налогов те средства, которые идут на докапитализацию банков, сделать что-то подобное и с облигационными займами. Здесь масса неочевидных резервов. Например, только в России существует такой феномен, как блокирующий пакет. Это сугубо национальное изобретение, за границей его нет, там есть контрольный пакет. В США он составляет 14% акций, в Европе — 53%, а в России — 75%! Соответственно, находящаяся в свободном обращении (free float) доля акций составляет примерно 80, 40 — и 20%! Ну какая в такой ситуации возможна капитализация?!

В.В.Якушев

Прежде всего хочу поблагодарить Л.М.Григорьева за интересное выступление и ответы на вопросы. Думаю, в этой аудитории нет тех, кого не волновали бы перспективы национальной экономики. Сейчас в этом отношении главными являются события, происходящие на рынке энергоносителей — ключевого экспортного товара России. Цены на нефть и на газ — основные показатели, по которым балансируются федеральный и региональные бюджеты, прочерчиваются все возможные перспективы. Каждому региону хотелось бы не только выполнять свои социальные обязательства (бюджет текущих расходов), но и иметь бюджет развития, чтобы двигаться вперед: вкладываться в агропромышленный комплекс, субсидировать процентные ставки, помогать малому бизнесу. Именно благодаря бюджету развития Тюменской области удалось достичь серьезных успехов. По результатам первого полугодия 2014 г. наш экономический рост составил более 10%.

Хотел бы подробнее остановиться на том, почему банки повышают процентные ставки, а государство одновременно субсидирует целые отрасли. Нет ли здесь противоречия? Вы знаете мою биографию. Как специалист в области финансов скажу, что Центробанк — структура, которая отделена от государства, проводит собственную политику и имеет право эмиссии. Ее основная цель — бороться с инфляцией, распорядиться золотовалютными резервами. Центробанк не должен допускать, чтобы другие банки сразу же тратили взятые у него в кредит деньги на покупку валюты и спекуляцию, поэтому он и повышает ставку рефинансирования. Ее повышение приводит к тому, что другие банки в течение короткого срока также повышают ставки по кредитам и привлекаемым депозитам.

Поскольку на рынке сегодня существует недостаток ликвидности, коммерческие банки стремятся повысить ее за счет привлекатель-

ных ставок, что побуждает их довольно быстро реагировать на все изменения. В нормальных условиях этот процесс мог бы растянуться на полгода, так как его содержание никак не закреплено на нормативном уровне: банк может не ориентироваться на ставку рефинансирования и выдавать кредиты под меньшие проценты, если ему удалось найти менее затратные депозиты. Таким образом, за счет повышения ставки Центробанк сбивает ажиотаж на валютном рынке, чтобы его средства не утекали туда через другие банки и не дестабилизировали курс рубля.

Почему в странах с развитой экономикой ставка рефинансирования падает, обнуляется и даже иногда бывает отрицательной? Потому что они, как правило, имеют в обороте валюту, которая для других стран является резервной (евро, доллары, иены и др.), и им не нужно поддерживать ее при помощи увеличения ставки рефинансирования. А рубль зависим от других валют, поэтому, собственно, возник такой инструмент.

Сегодня, думаю, никому не надо объяснять, что начинается сложный период. По всем признакам очевидно, что мы вступаем в первую стадию банковского кризиса. Банковская сеть — кровеносная система нашей экономики, и если ее начнет лихорадить, то начнет тормозить вся экономика. В 2008 г. мы преодолели кризис за счет серьезных резервов, накопленных государством и Центробанком, и поддержали ликвидность системообразующих банков. Сейчас возможность рефинансирования на западных рынках по причине санкций отсутствует, поэтому не следует сразу жертвовать всеми имеющимися резервами! Нужно оставить их на случай непредвиденных обстоятельств, в которых придется поддерживать ликвидность системообразующих банков — и не ради них самих, а ради спасения экономики в целом! Впрочем, будем надеяться, что до второй и третьей стадии банковского кризиса дело не дойдет.

Ситуация, однако, весьма настораживающая. Кредитные ставки повышаются, и уже сегодня многие предприятия не могут пролонгировать займы, что порождает неуверенность на рынке. Те, кто сегодня реализует инвестиционные проекты и рассчитывает на банковский кредит, его не получают, потому что банки теперь работают на ликвидность, а не на доходность. По моему мнению, уже сейчас следует начать вводить режим определенных ограничений по движению капитала: как показала практика кризиса 1998 г., к ним все равно рано или поздно приходят как к лучшему средству удержания стабильности. В ситуации, когда Центробанк заявляет о растущем оттоке капитала за рубеж, именно с этой проблемой должны работать и правительство, и Центробанк. Чтобы ограничить отток валюты из экономики, можно до некоторой степени поступиться открытостью рынка! Сегодня Центробанк видит в режиме реального времени движение средств по счетам в любом банке страны — и потому может ввести контроль без каких-либо дополнительных серьезных усилий. Надо только вводить такие меры постепенно, на известный срок и объясняя их необходимость. Это даст возможность

сохранить и задействовать резервы, которые сейчас просто выводятся за пределы Российской Федерации.

В нынешних условиях мы не имеем права увеличивать социальные обязательства не только на уровне муниципалитетов и регионов, но и на уровне федерального бюджета. Но существующие должны стабильно исполняться. Нужно готовиться к длительному пребыванию в режиме санкций: думаю, все слышали, что буквально на днях США заявили о своем стремлении расширить их перечень. Совсем недавно Америка ударила по очередному нашему больному месту, повысив пошлины на металл, что плохо скажется на всей отечественной металлургии...

С одной стороны, текущие процессы можно оценить как негативные, с другой стороны, дешевеющий рубль — это растущая (за счет валюты) выручка наших нефтяников и газовиков, которая поможет закрыть бюджетные обязательства. Однако покупательная способность тех средств, которые получит население в виде социальных выплат, уменьшится по сравнению с той, что была еще год назад. Будем смотреть правде в глаза.

Сказанное президентом Путиным относительно важности малого бизнеса нами уже неоднократно обсуждалось, да и сегодня звучала мысль, что в ситуации, когда экономика начинает сжиматься, малый бизнес — та палочка-выручалочка, которая хоть и не даст серьезных доходов бюджету, но обеспечит людей рабочими местами и заработной платой. И если мы его перегрузим налоговыми и прочими обязательствами, то эту свою социальную функцию малый бизнес не выполнит. Количество людей, которые в результате встанут на регистрацию в наши центры занятости, может вырасти в разы. Этого допустить нельзя.

Мы действительно поставили перед собой серьезную цель — двигаться вперед и наращивать нашу экономику, а в перспективе 2020 г. в очередной раз удвоить ее. Условия достаточно жесткие, сопровождающие их вызовы тоже непростые, но отступать от поставленных задач нельзя. Двигаться вперед надо аккуратно. Хочу также отметить, что все мы должны думать над минимизацией наших затрат. Я имею в виду и государственное управление, и предприятия, и малый бизнес. Это нужно делать быстро, не думая, введут, отменят или не отменят санкции. Главное — вовремя и квалифицированно ответить на вызовы, стоящие на повестке дня. Запоздалые меры и надежды «на авось» могут привести к тому, что над некоторыми процессами будет просто утрачено управление. Надо действовать вместе, сообща и в режиме взаимопонимания — в том формате, в котором и бизнес, и власть, и общественные структуры привыкли работать в Тюменской области. В том числе и в рамках «Губернаторских чтений».